

— Спасите... спасите... помогите...

— Ха-ха-ха, кричи, кричи! В такую тьму да глушь все уже спят, никто и пальцем не пошевелит! А даже если кто и увидит, что это я, Чжоу-далан, слова поперёк не скажет!

— Ты, видно, приезжий, не знаешь местных порядков. Пойдёшь со мной - жить будешь как сыр в масле!

— Эй, вы двое, отойдите подальше. Что бы ни услышали, не подходить. Сегодня я, значит...

Бум!!!

Чжоу-далан не успел договорить - его голос внезапно оборвался. Два охранника, хихикая, уже ушли прочь и даже не подозревали, что произошло. Они переговаривались, пересыпая речь сальными шуточками:

— Ох, видно, старший господин уже занят, даже говорить некогда.

— Тьфу, чужак, ночью по улицам шастает - сам напросился.

— Ага, ха-ха, подождём, глядишь, и нам перепадёт...

Откуда им было знать, что голос Чжоу-далана оборвался потому, что в темноте на его затылок внезапно обрушилась тяжесть. Тело онемело, перед глазами закружились искры гуще самой ночи, и он беззвучно рухнул на землю.

Е Нин, сжимая в руках толстую ветку, бесшумно подошёл ближе. Чжоу-далан так ничего и не заметил. Рука взметнулась, и с глухим ударом ветка обрушилась ему на затылок.

— Ах! — придавленный им молодой гер, явно чужак, судорожно втянул воздух, едва не вскрикнув.

Е Нин молниеносно зажал ему рот ладонью, не давая закричать и привлечь охранников. Юноша широко распахнул глаза, с ужасом и потрясением глядя на него. Такой хрупкий на вид человек и способен поднять столь тяжёлую дубину... это и впрямь поражало.

Е Нин холодно скользнул взглядом по Чжоу-далану, словно смотрел на груды отбросов. Большую, отвратительную груды. В его глазах мелькнуло брезгливое презрение, но мусор всё равно приходится убирать.

Он снова поднял ветку.

Бум!

Бум! Бум-бум!

Четыре удара подряд, а затем резкий, беспощадный пинок ниже пояса.

Сначала Чжоу-далан валялся, как бесформенная туша, не подавая признаков сознания, лишь раскачиваясь от ударов. Но боль от пинка была такой, что он невольно очнулся, взыв от муки.

Е Нин, заметив, что тот приходит в себя, без лишних колебаний отпустил ветку, бросив её прямо на него, схватил ошеломлённого гера за руку и беззвучно показал губами: «Бежим».

Юноша был напуган до полусмерти, совершенно растерян. Он был таким же хрупким и тонким, как Е Нин, но не обладал его спокойствием и решимостью: руки и ноги похолодели, мысли путались. Он позволил увлечь себя и, спотыкаясь, побежал следом.

— Ай! — пробежав всего пару шагов, он, не привыкший к такому бегу, внезапно споткнулся и упал, вскрикнув.

Вскрик разбудил Чжоу-далана окончательно. Он, скорчившись на земле, сжался, как огромная жирная креветка, обеими руками обхватив пах, и дрожащим голосом завыл:

— Сю... сюда... люди... помогите...

— Ха-ха-ха! — раздалось из темноты. — Старший господин зовёт нас делить добычу!

— Вот уж правда, наш старший всегда о нас думает...

— Эй... погодите! — внезапно кто-то вскрикнул. — А гер-то сбежал!

Чжоу-далан не мог подняться. Его трясло от боли, голос срывался:

— Хва... хватайте... хватайте их...

Е Нин всё рассчитал: оглушить Чжоу-далана ударом сзади, бесшумно спасти юношу и уйти, не оставив следов. Кто бы мог подумать, что тот сорвётся на крик и в одно мгновение разрушит весь план.

Е Нин тут же подхватил упавшего гера, резко дёрнул его на ноги и сквозь зубы прошептал:

— Бежим. Сейчас же.

Двое охранников уже мчались обратно.

— Старший господин! Что с вами?!

— Не... не меня... — Чжоу-далан, стиснув зубы, говорил, словно его трясли на решете. — За ними! Гонитесь! Кто... кто этот жидь надоел, что осмелился... осмелился испортить мои забавы?! Поймайте их!

Получив приказ, охранники рванули вперёд, как спущенные с цепи псы, и бросились в погоню за Е Нином и тем гером.

Е Нин тащил юношу за собой, почти волоком. Но тот был слаб и не привык к бегу - ноги подкашивались, движения были медлительны. Два охранника быстро нагнали их и перекрыли дорогу.

— Нин-гер! Так это ты?!

— Ах вот оно что... — Чжоу-далан, едва переставляя ноги и невольно сводя их внутрь, словно от стыда, но на самом деле от боли, доковылял следом. Даже в темноте было видно: лицо у него серо-синее, губы выбелены, всё тело мокрое - не то от дождя, не то от холодного пота.

Он ткнул дрожащим пальцем в сторону Е Нина:

— В доме Е что, все дармоеды? Не сумели тебя удержать? Даже гера запереть не могут... Ну что ж, тем лучше! Раз уж ты сам ко мне вышел, сегодня я всё равно доведу дело до конца. Сварю рис до готовности, посмотрим, как ты тогда будешь упрячиться!

Он сорвался на крик:

— Хватайте! Хватайте обоих!

□□*

— Господин, вот теперь-то дело и впрямь неладное, — бормотал Чэн Чжао, приводя в порядок мягкий лежак и готовя всё ко сну для Цзян Чансиня. — На этот раз госпожа настроена решительно: она твёрдо вознамерилась подобрать вам брачную партию. Вот, к примеру, говорят, что её дальний племянник уже в пути. Формально погостить, а по правде - посмотреть на вас да показать вам... Если бы не эти бесконечные дожди, он должен был бы прибыть уже сегодня.

Юй Юань слегка нахмурился. Он не сказал ни слова и не имел права вмешиваться в дела, касающиеся брака хозяина, но по его виду было ясно: затея ему не по душе.

Чэн Чжао вздохнул:

— Госпожа, видно, не знает истинного происхождения господина. Видит лишь, что возраст уже подошёл, вот и начала хлопотать о свадьбе. Но ведь нашему господину суждено вернуться в столицу, как же можно так запросто жениться на каком-нибудь деревенском гере?

О том, что Цзян Чансинь - принц, знали лишь Чэн Чжао, Юй Юань и старый глава рода Цзян. В те годы, когда он вынес ещё ребёнка Цзян Чансиня из столицы, власть евнухов была слишком сильна. Старый господин дал слово премьер-министру хранить тайну и с тех пор не обмолвился о происхождении мальчика ни единым словом, даже собственному сыну и невестке. Поэтому до сего дня господин Цзян и его жена, вероятно, считали Цзян Чансиня всего лишь подкидышем из бедной семьи, которого они по счастливой случайности приютили.

У господина Цзяна была только одна жена. Детей у них не было. Когда старик принёс в дом полумёртвого ребёнка, оба они сжалились над ним от всего сердца. За долгие годы они окружили Цзян Чансиня заботой и любовью, и упрекнуть их было не в чем. Теперь же, когда он достиг брачного возраста, как мать, госпожа, Цзян разумеется, хотела заняться его будущим, в этом не было ничего предосудительного.

Цзян Чансинь прищурился. В уши бил однообразный шум дождя. Жаркая деревня Цинтянь после ливня стала ещё более душной и влажной; вместо прохлады сплошная тягостная сырость, словно разгар лета заперли в глиняный кувшин.

На самом деле Цзян Чансиню не было нужды тревожиться из-за смотрин, которые устраивала для него госпожа: старый глава рода знал его истинную личность и непременно остановил бы это. И всё же...

В прошлой жизни, когда Цзян Чансинь вернулся в столицу и вновь обрёл статус принца, императрица Ван, тайно связанная с евнухами, воспользовалась тем, что у него не было жены. Под этим предлогом она попыталась приставить к нему своих людей - подобрала несколько красивых девушек и геров, якобы в жёны и наложницы. На деле же всё это было лишь прикрытием, чтобы удобнее было травить его ядом.

Цзян Чансинь уже прошел одну жизнь, и потому ни за что не мог позволить императрице Ван снова добиться своего. Но если он сгоряча согласится на смотрины, устроенные матерью, кто знает, каким окажется тот человек? Он слышал от матери, что её дальний племянник - молодой и пригожий гер. Говорили, что в уездном городе он славится и красотой, и дарованиями: не только лицом хорош, но, что редкость для гера, учился грамоте, умеет читать и писать, воспитан, рассудителен, знает правила приличия. Такой, мол, в будущем сумеет спокойно и надёжно вести дом, быть опорой мужу и заниматься воспитанием детей.

От одной этой мысли у Цзян Чансиня начинала болеть голова. Больше всего на свете он не

выносил изнеженных, жеманных геров. Если он действительно возьмёт такого в супруги, то, когда придёт время вернуть себе истинный статус, тому придётся последовать за ним в столицу. А что сможет там человек, умеющий лишь «служить мужу и растить детей»? Разве выдержит он придворные интриги, ядовитые улыбки и смертельно опасные игры власти?

Прожив две жизни, Цзян Чансинь прекрасно понимал: он не из тех, кто готов тащить за собой обузу.

Но если...

Он уставился на дрожащий огонёк свечи, и в голове внезапно, против воли, возник образ Е Нина. Их первая встреча - как тот, размахивая стулом, бил людей, до сих пор стояла перед глазами. С виду хрупкий, тонкий гер, а поступки и слова... будь то драка или отказ от брака, всякий раз заставляли окружающих изумлённо замирать.

— Господин? Господин? — Чэн Чжао говорил уже довольно долго, жалуясь и хмурясь, но так и не дождался ответа. Он удивлённо посмотрел на хозяина и ещё более озадаченно почесал затылок. — Чего это вы улыбаетесь, господин? Неужели и вправду хотите посмотреть на того дальнего племянника госпожи?

Цзян Чансинь пришёл в себя и слегка нахмурился. Он что, только что улыбался? Собравшись, он убрал выражение лица и небрежно махнул рукой:

— Гаси свет.

— Слушаюсь, — отозвался Чэн Чжао и уже потянулся к лампе, как вдруг...

Бах-бах-бах! Бах-бах-бах!

Глубокой ночью в дверь неожиданно постучали.□□

В деревне Цинтянь люди жили по солнцу: с рассветом вставали, с закатом ложились. Распорядок был строгий и неизменный. Если только не праздник, после наступления темноты на улице нельзя было встретить ни души ^ тем более никто не стал бы стучаться в дверь глубокой ночью, да ещё под проливным дождём.

— Так поздно, да ещё и ливень... Не пойми кто, — сказал Чэн Чжао. — Господин, я схожу посмотрю.

Цзян Чансинь кивнул, разрешая. Спустя немного времени Чэн Чжао вернулся и привёл с собой насквозь промокшего, похожего на утопленника, Чжан Чжиюаня.

В глазах окружающих Цзян Чансинь был всего лишь слабоумным - глуповатым сыном богатого землевладельца, а вовсе не принцем. Чтобы избежать преследования евнухов, ему и впрямь приходилось безупречно играть эту роль. Он тут же переменялся: без малейшей заминки убрал с лица холодную сосредоточенность и надел привычную маску - простодушную, глуповатую, с немного нелепой улыбкой. Поднявшись, он заулыбался Чжан Чжиюаню, точно ничего не понимая.

Чжан Чжиюань и думать забыл о том, что с него всё ещё льётся вода. Он заговорил поспешно, срывающимся голосом:

— Молодой господин, я понимаю, что втягиваю вас в крайне неудобное дело, но... но в Цинтянь я человек чужой, никого толком не знаю, а выхода больше нет - беда уже у самого порога!

— Не знаю, что ещё наговорил тот скот, Чжоу-далан, сколько он пообещал, но семья Е окончательно решила выдать Е Нина за старшего сына Чжоу. Они уже целые сутки держат его запертым в комнате - ни воды, ни еды не дают, говорят, будут держать до самой свадьбы! А его тело... разве он выдержит такое?

Е Нин...

В притворно глупых глазах Цзян Чансиня на миг мелькнула тень глубокой, холодной мысли. Семья Е намеревалась продать «увечного» Нин-гера подороже, сам же Е Нин категорически не хотел идти в дом Чжоу. А ему самому, чтобы в будущем не позволить императрице Ван подсунуть к нему своих людей, как раз нужен был супруг.

Если бы...

Если бы Е Нин мог выйти замуж в дом Цзян...

<http://bllate.org/book/15118/1415929>